

ТАЙБАКОВ Алексей Алексеевич - кандидат юридических наук, доцент Петрозаводского факультета Санкт-Петербургского университета МВД России.

Проблема преступной субкультуры лишь относительно недавно стала привлекать острое внимание как специалистов-ученых, так и практических сотрудников правоохранительных структур. Криминальные квазикультурные проявления являются одним из наиболее ярких признаков профессиональной корыстной преступности, которая, в свою очередь, выступает в качестве доминирующей и наиболее опасной части общеуголовной преступности. Отдельные составляющие этого явления, такие, как жаргон, татуировки, язык жестов или как его еще называют сами преступники - "распальцовка", воровской шансон, стали стремительно интегрироваться в культуру, обыденную речь, образ жизни вполне законопослушных граждан.

Основным объектом моего исследования выступила криминальная субкультура как социокультурный феномен, конкретная форма бытия общечеловеческой культуры, совокупность символов, идей, убеждений, ценностей, норм, образов поведения, принимаемых совокупностью профессиональных преступников. Опрос проводился в сентябре-ноябре 1999 г. и охватывал профессиональных преступников, законопослушных граждан и сотрудников милиции. В качестве основного инструмента исследования выступили три анкеты. Анкета для осужденных профессиональных преступников состояла из 49 вопросов, каждый из которых включал от двух до девяти формализованных ответов и свободного поля для записи суждений респондентов. Регион исследования - город Петрозаводск (Карелия). Всего опрошено 840 осужденных преступников, содержащихся в исправительных колониях Карелии, 630 граждан по принципу произвольной выборки и 270 сотрудников милиции, проходящих службу в органах МВД.

Анализируя полученные ответы граждан и сотрудников милиции, мы пришли к выводу, что обеим категориям опрошенных известны лишь отдельные выражения и слова "блатной музыки", или "фени". Об этом заявили 73 и 78% респондентов (далее первый показатель будет соответствовать точке зрения граждан, второй - сотрудников милиции), не знают жаргона 26 и 22% и в совершенстве владеют только 1% граждан. У 49 и 60% респондентов имеется резко отрицательное неприятие использования жаргона в обыденной жизни, 26 и 32% относятся к этому безразлично и только 25 и 8% одобряют. Следует отметить, что 61 и 60% опрошенных не нравятся, когда известные политические, государственные и общеизвестные деятели допускают в публичных выступлениях уголовные "жаргонизмы", 39 и 40% допускают использование таких выражений лишь в том случае, если они уместны в контексте выступления. И как видно, полностью одобряющих "фею" с высоких трибун среди респондентов не нашлось. В своей повседневной речи используют "арго" 45 и 23%, не прибегают к нему 54 и 77% и постоянно оперируют в своих разговорах только 1% законопослушных граждан. Интересовали нас пути и способы проникновения жаргона в современную разговорную речь, его источник. На основе ответов сделаны следующие выводы: услышали от других людей - 63 и 68%, прочитали в литературе - 25 и 47%, услышали из телепередач и кинофильмов - 25 и 48% респондентов (отметим, что большинство называли сразу все источники).

Нет необходимости заявлять, насколько широко в настоящее время эксплуатируется на российской эстраде блатная романтика, на причинах этого мы не будем останавливаться, пока отметим, что 21 и 30% участников опроса относятся к этой составляющей эстрадной музыкальной культуры резко отрицательно, 46 и 44% эта проблема не волнует и 33 и 28% являются поклонниками шансона.

Татуировка выступает особой символикой, важной для преступной субкультуры. 48 и 23% респондентам не известны значения татуировок, 5 и 10% могут идентифицировать большинство. 47 и 67% могут компетентно судить лишь о некоторых изображениях. Мы

имеем возможность констатировать, что тату-культура, так сказать, покинула пределы исправительных учреждений и стремительно интегрируется в обыденную жизнь. Характеризуя приемы этого, участники исследования высказали следующие суждения: 49 и 60% полагают, что широкое распространение татуировок это дань моде, 22 и 35% считают, что это осознанный субъективный выбор индивидуума, 29 и 5% соглашаются с тем мнением, что это атавизм преступной субкультуры.

Сегодняшний уровень правосознания и правовой культуры позволяет нам говорить о том, что, к сожалению, силу закона подменяют законом силы, криминальным квазизаконом, или так называемыми понятиями. Жить "по понятиям" начинают не только криминальные профессионалы, но и самые различные слои нашего общества. 52 и 66% опрошенных полагают, что большинство проблем решаются с помощью неформальных норм общения (типа "ты - мне, я - тебе"), 28 и 33% считают, что в качестве регулятора общественных отношений выступает криминальный закон, по 20% и граждан и сотрудников милиции отводят регулятивные функции праву. Только 18 и 13% участников исследования высказали мнение, что в современных условиях государство в состоянии противодействовать преступности, 35 и 66% полагают, что властные структуры способны лишь отчасти контролировать ситуацию в этой сфере, 47 и 21% пришли к выводу, что государство выпустило ситуацию из-под контроля полностью. Следует также подчеркнуть, что большинство опрошенных (56 и 60%) в качестве основного субъекта борьбы с преступностью называли российскую милицию.

Под тюремной "пропиской" обычно понимается совокупность действий, включаемых в определенный ритуал, процедуру, направленных на идентификацию новичков, включения их в "братство" осужденных лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. "Прописка" предполагает выполнение тех или иных заданий, ответы на вопросы, разгадывание загадок и т.п. 27 и 42% опрошенных в своих ответах заявили, что они опосредованно знакомы с этим элементом криминальной квазикультуры и им известно его содержание.

Нам сложно представить себе профессионального преступника, не владеющего основными приемами и не знающего правил таких карточных игр, как "сека", "бура", "очко", "стос". Насколько они включены в свободное времяпрепровождение лояльных граждан? Вот что показало наше исследование. 64 и 43% знают правила и приемы лишь некоторых игр, свободно ориентируются во всех - 10 и 3%, вообще не знакомы - 25% и 54%. Следует подчеркнуть, что не играют в азартные карточные игры 71 и 78% респондентов данной группы.

Как самостоятельный социально-криминологический феномен "воры в законе", безусловно, заслуживают отдельного разговора. Мы пока же определим их как относительно самостоятельную и самодостаточную совокупность наиболее авторитетных преступников, играющих важную роль в общеуголовной преступности.

Завершая анкету опроса граждан и сотрудников милиции, отметим также, что подавляющее большинство (63 и 61%) хотели бы более глубоко познать эту субкультуру в целом и отдельные ее элементы.

В число опрошенных преступников вошли мужчины, осужденные за различные преступления и отбывающие наказание в исправительных колониях. В зависимости от состава преступления респонденты в порядке убывания представлены осужденными за кражи (51%), грабежи (12%), разбой (10%), умышленное убийство (8%), тяжкие телесные повреждения (7%), хулиганство (6%), изнасилование (3%), незаконное хранение и сбыт наркотиков (3%), иные преступления (2%). Возраст опрошенных: 14-17 лет - 0,5%; 18-24 года - 18%; 25-29 лет - 27%; 30-35 лет - 20%; 36-40 лет - 13%; 41-45 лет - 9%; 46-50 лет - 7%; свыше 50 лет - 5,5%. Подавляющее большинство респондентов имеют среднее образование (67%), за ними следуют лица, не окончившие среднее учебное заведение (21%), обучавшиеся в вузе представлены показателем в 5%, обладатели вузовского диплома составили 4% и только 3% освоили азы грамотности в начальной школе. На момент совершения преступления 50% были заняты общественно-полезным трудом, 4% проходили курс обучения, 46% нигде не работали и не учились. 76% опрошенных проживали в городе, 15% - в поселках городского типа, 6% представлены сельскими жителями и только 3% не имели постоянного места жительства.

Одним из важнейших показателей общекультурного уровня является отношение индивида к художественной литературе. В процессе нашего исследования получены диаметрально противоположные результаты. 45% респондентов много читают и 42% прибегают к такому времяпрепровождению от случая к случаю. 95% нравится прослушивать музыкальные произведения. Поклонниками российской эстрады назвали себя 57%. зарубежной эстраде

отдали предпочтение 37%, русский блатной шансон доставляет удовольствие 30%, классику любят 28% осужденных (большинство опрошенных называли по несколько сфер предпочтения). 67% никогда в жизни не садились за музыкальный инструмент, в то же самое время 33% имеют навыки игры. 26% опрошенных умеют рисовать. Таким образом, мы имеем возможность констатировать, что среднестатистический опрошенный осужденный, как в капле воды, отражает социопортрет современного россиянина.

Анализируя полученные данные, мы пришли к выводу, что 44% осужденных знают лишь отдельные слова уголовного жаргона, 40% не владеют "блатной музыкой" вообще и только 16% являются знатоками "фени" в полном объеме. Мы наблюдаем, что респонденты, для которых, на первый взгляд, жаргон должен являться неотъемлемой константой существования, скромно оценивают свои познания жаргона.

62% имеют на своем теле те или иные татуировки. Из них 55% точно известно их значение. Характерно, что впервые нанесли татуировку в условиях следственного изолятора 34%, 28% сделали это на воле, 22% прибегнули к такому украшению своего тела во время прохождения службы в армии и 16% респондентов нанесли татуировки во время отбывания наказания в исправительных колониях. 38% нанесли татуировки, руководствуясь эстетическими соображениями, 12% респондентов преследовали цель обозначения своего статуса, 4% полагали, что это облегчит их идентификацию среди других представителей криминалитета, все остальные осужденные (46%) исходили из других побуждений (мода, свободное времяпрепровождение и т.п.).

Значительную долю современной российской общеуголовной преступности занимают корыстные посяательства на собственность (около 50%), поэтому вполне закономерно нас интересовала проблема специфических видов татуировок корыстных преступников. 58% осужденных констатировали, что у этой категории преступников существуют особые, свойственные только им, изображения на теле. Основная цель татуирования - идентификация, опознание собратьями по преступному ремеслу (37%), еще 22% проделали это для выделения из общей массы осужденных.

С таким специфическим, свойственным только местам заключения явлением, как "прописка", на своем опыте познакомилось 55% респондентов-осужденных. Для 36% этот обряд представлял ответы на вопросы, загадки, головоломки сокамерников, 12% неофитов пришлось принять участие в выполнении особых заданий, которые преследовали цель проверить сообразительность, мужество, умение быстро принимать решения. Для 16% осужденных при прохождении "прописки" необходимо было принять участие в тюремных играх, преследующих аналогичные цели. 60% опрошенных прошли "прописку" в следственных изоляторах, остальные в исправительных колониях.

82% знают, кто такие "воры в законе", осведомлены об их функциях, криминальном статусе. 42% респондентов осведомлены об этом благодаря рассказам других более опытных осужденных, 26% лично встречались с ними, 16% прочитали об этой категории преступников в прессе, 19% использовали в качестве источника информации художественную и публицистическую литературу, для 13% таким источником послужил кинематограф.

В местах лишения свободы особенно ярко наблюдается диверсификация осужденных на криминальные касты, подгруппы, формируемые по тому или иному признаку. В ряде случаев в качестве такого признака выступают "землячества", т.е. объединения по принципу национальной или региональной принадлежности ("кавказцы", "карелы", "славяне" и т.п.). Иногда это уровень уважения и авторитета среди осужденных ("авторитеты", "шестерки", "мужики", "опущенные" и т.п.). Критерием диверсификации может выступить и профессиональная специализация в криминальном ремесле (воры, мошенники, насильственные преступники и т.п.). 80% осужденных при опросе пояснили, что подразделение на касты имеется и признается преступным сообществом. 54% респондентов отметили, что у каст имеется целый комплекс обычаев и традиций, которые строго соблюдаются. Возможен переход из одной группы в другую (75% подтвердили это). Причем, чаще это происходит в сторону понижения статуса осужденного (62% утвердительных ответов).

Предпринимаемые усилия персонала исправительных учреждений профилактического, воспитательного и оперативного порядка позволили избежать наличия такого социально-криминального феномена, как "вор зоны", т.е. наиболее авторитетного осужденного, выступающего в качестве регулятора общественных отношений, хранения традиций и обычаев преступной среды, лица, разрешающего внутренние конфликты. Об этом свидетельствуют 82% опрошенных.

Оставшиеся 18% респондентов, ранее отбывавшие наказание в других исправительных заведениях, указали на наличие указанного феномена и пояснили, что "авторитет" зоны

занимает свое положение благодаря: обладанию большим преступным опытом (3%), наличию прежних судимостей (1%), справедливости и честности в отношении окружающих (8%), знанию преступной среды (3%). И, наконец, три четверти респондентов (75%) указали на всю совокупность этих качеств.

Феномен коммуникационных связей осужденных с волей получил в преступной среде название "дорога" и является неотъемлемой составляющей преступной субкультуры. 60% участников нашего опроса пояснили, что такая связь имеется. В 42% случаев она осуществляется через коррумпированных сотрудников уголовно-исполнительной системы, в 26% - прибегают к услугам вольнонаемного персонала исправительных учреждений, 7% осужденных используют симпатические чернила для записи сообщений, 12% шифруют свои послания, 15% перестукиваются и 40% осуществляют коммуникативные связи иным образом.

Завершая рассмотрение феномена преступной субкультуры, обратим внимание на следующее. Криминальная субкультура имеет длительную историю, и ее генезис связан с профессиональной преступностью. Одним из пунктов ее передачи и распространения выступают места лишения свободы и в настоящее время наиболее значимыми ее носителями являются представители профессионального корыстного криминалитета. В то же время проникновение отдельных элементов преступной субкультуры в сознание и поведение законопослушных граждан, их тиражирование в рамках социальных институтов гражданского общества, политики, и т.п. свидетельствуют об изменении культурных установок самого социума, что, вероятно, связано с определенными тенденциями в сфере правосознания людей. Это тревожный показатель, отражающий в целом формирование "смягченной" позиции общества в отношении преступного мира.